

«приведение в чувство» отдельных природных «островков». Несомненно лишь то, что природа еще не раз явит урок человечеству, впечатляя и силой созидания, и мощью разрушения. Будет ли это урок катастрофы или вдохновляющего примера, во многом зависит от собственной человеческой позиции, его ценностных ориентаций и взгляда на мир и на себя.

СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

А.А. Шеститко, г. Минск, Беларусь

Принимая во внимание общий характер заявленной в заглавии темы, определим, что в данном формате наша задача состоит в обозначении ключевых особенностей постановки самого коммуникативного вопроса в аналитической философии второй половины XX века, а также в вычленении тех специфических для данного философского подхода способов рассмотрения проблемы коммуникации. Иными словами, наша задача заключается в том, чтобы, обозначив особенности осмысления коммуникации в аналитической философии второй половины XX века, попытаться сформулировать методологические особенности аналитического подхода к обозначенной выше проблеме.

Таким образом, мы постараемся ответить на вопрос, насколько вообще метод аналитического исследования позволяет решать реальные коммуникативные задачи, с одной стороны, и выстраивать теории коммуникативного взаимодействия, с другой. В центре нашего внимания окажутся наиболее репрезентативные, с точки зрения, коммуникативной проблематики, аналитические проекты, среди которых теория «языковых игр» Л. Виттгенштейна, концепция «радикального перевода» У.В.О. Куайна и концепция «радикальной интерпретации» Д.Дэвидсона.

Сама коммуникативная проблематика в качестве отдельной темы для анализа актуализирована в аналитической философии в работах «позднего» Л.Виттгенштейна и, прежде всего, в «Философских исследованиях». Именно в рамках данного проекта австрийского философа появляется теория «языковых игр», сущностные характеристики которой напрямую затрагивают проблему коммуникации.

В данном случае для нас важно определить, что коммуникацию мы будем понимать как процесс языкового взаимодействия, разворачивающийся в определенном временном, социо-культурном и ментальном контексте.

Вводя понятие «языковая игра», Л. Виттгенштейн определяет её как «форма жизни». Что, с одной стороны, указывает на неразрывную связь языка как такового и контекста (жизни как таковой), в рамках которого

разворачивается любое взаимодействие, языковое по самой своей сути. Жизнь как совокупность неисчерпаемого количества «языковых игр», где отдают приказы и подчиняются, страдают и радуются, читают, пишут, спорят, - одним словом, живут [1]. Первое, на что обращает внимание Л. Виттгенштейн в самом начале «Философских исследований», для того, чтобы увидеть, что есть «языковая игра», не следует подниматься в абстрактно-теоретические выси, достаточно оглянуться вокруг себя, т.е. обратиться к анализу повседневных практик языкового взаимодействия.

С другой стороны, будучи контекстуально определяемой и укорененной в самой бытийственности жизни, «языковая игра» все-таки есть «форма» жизни. Игра, которая разыгрывается её субъектами не хаотично, но в соответствии с определенными правилами. Именно понятие правила и определение правилосообразности языковой деятельности является для нас важным в рамках исследования вопроса коммуникации в аналитической философии второй половины XX века.

Игра возникает тогда, когда есть правило, определяющее суть и способы развития данной игры. Специфическая характеристика правилосообразной деятельности применительно к «языковым играм», согласно позиции Л. Виттгенштейна, состоит в том, что «правилу мы следуем слепо». Иными словами, будучи субъектами коммуникативного взаимодействия в рамках той или иной «языковой игры», мы не задумываемся о «правильности» правила, и именно благодаря этому оказываемся этим правилом ведомы.

Что же в таком случае является гарантом достижения понимания в процессе коммуникативного взаимодействия? Такого универсального правила-гаранта не существует. Как не существует единой для всех теории языка или всеобщей и универсальной картины мира. Каждая языковая игра уникальна по своей природе, она разыгрывается в определенном контексте, при определенных обстоятельствах, субъектами, обладающими индивидуальным опытом и т.д.

Отметим, что в рамках «Философских исследований» Л. Виттгенштейн не ставит и, соответственно, не отвечает на вопрос о возможности существования «правила всех правил». Кроме того, тезис об intersubъективной природе любого правила остается на страницах «Философских исследований» не проясненным. Вопрос этот состоит в том, что дает нам основание рассматривать правило в качестве фундаментального условия всякой языковой деятельности и каким образом индивидуальное переживание правила в конкретной языковой игре рождает в сознании субъекта уверенность, что другие действуют подобным образом.

Оригинальный анализ т.н. «скептического аргумента» был проведен представителем американской традиции - С.Крипке. Философ

предлагает допустить, что некто, осуществляя операцию сложения чисел 57 и 68, подразумевает под данными действиями не «сложение», а «кважение». Получается, что данный субъект может пользоваться неким индивидуальным языком и, тем не менее, быть понятым. Каким образом, в таком случае, вообще может быть разрешен вопрос отношения правила и правилосообразной деятельности как гаранта достижения понимания в рамках языковой игры. Одним из вариантов ответа может быть следующее утверждение: даже если допустить, что индивидуальное правило (индивидуальный язык) возможен, мы никогда не сможем этого проверить, в силу того, что любая коммуникация изначально предполагает наличие intersубъективного компонента, каковым применительно к теории «языковых игр» Л.Виттгенштейна, является правило. Оно укоренено в социальности, ему мы следуем слепо, оно может быть характерно для отдельной и уникальной по своей природе языковой игры, но не для индивида как такового, в его оторванности от языкового сообщества.

Таким образом, определяя коммуникацию как форму языковой игры, мы обозначаем такие сущностные характеристики, как: языковая форма деятельности, контекстуальность и социальная природа такого рода взаимодействия.

О том, что любая языковая игра осуществляется в определенном контексте, т.е. при уникальных временных, пространственных и социальных параметрах, обращает внимание еще один представитель современной аналитической философии У.В.О.Куайн. Утверждая невозможность разделения собственно «логического» от «эмпирического», У.В.О.Куайн приводит в пример ситуацию исследователя, оказавшегося в незнакомом племени и пытающегося осуществить перевод (а точнее просто понять) выражений совершенно незнакомого языка. Данную ситуацию философ описывает как «радикальный перевод». «Мимо быстро пробегает кролик, абориген говорит «Gavagai», и лингвист записывает предложение «Rabbit» в качестве пробного перевода, который требуется подвергнуть проверке в других ситуациях». Вопрос заключается в том, как проверить истинность данного перевода. Возможно ли однозначно сказать, что выражение «Gavagai» имеет единственный референт – «Кролик». В ситуации классической теории референции мы бы так и сказали. Но в таком случае мы снова оказались бы на позиции классического ментализма, когда содержание сознания субъекта (переводчика) само по себе выступает гарантом истинности перевода. Но никто, отмечает У.В.О.Куайн, не отменит того, что сознание туземца и сознание переводчика так и останутся параллельными в своем существовании реальностями, между которыми пропасть непонимания.

По мнению аналитического философа, находясь в ситуации «радикального перевода», т.е. осуществления коммуникации в совершенно незнакомом контексте на неизвестном языке, мы должны использовать стратегию «стимульного значения». Она предполагает, что мы не просто подвергаем анализу лингвистические объекты, но подходим к ситуации холистично: в единстве языковых выражений, действий, которые их сопровождают, эмоций, которые сопутствуют этим действиям и т.д. Иными словами, У.В.О.Куайн подчеркивает конкретно-фактический характер любой коммуникации и неразрывную связь языка, сознания и мира. Ни один универсальный подход не гарантирует успешного языкового взаимодействия в ситуации «радикального перевода». Отсюда и утверждение У.В.О.Куайном «онтологической относительности» любых философских проектов. При этом относительность предполагает не деструктивную релятивность, приводящую к путанице и хаосу, но стремление к постоянному поиску новых способов анализа конкретных языковых ситуаций, с учетом их контекстуальной обусловленности.

Продолжая тему поиска новой методологии анализа коммуникативного взаимодействия, преодолевающей классический принцип универсальности и ментализма, еще один представитель современной аналитической философии Д.Дэвидсон предлагает заменить понятие «радикального перевода» на «радикальную интерпретацию», которая имеет принципиально открытый и незавершенный в отличие от перевода, характер. Д.Дэвидсон выделяет три методологических принципа, которые необходимо соблюдать не только для достижения успешного коммуникативного взаимодействия, но и при исследовании любых языковых явлений.

Принцип холизма направлен на то, чтобы рассматривать всякое предложение в неразрывном единстве входящих в его состав элементов. То есть таким образом, чтобы при интерпретации предложений говорящего принимать во внимание не только формально-логическую сторону, но и контекст в котором разворачивается языковое взаимодействие, а также интенции и мотивы другого субъекта. Иными словами рассматривать и анализировать некоторую коммуникативную ситуацию в единстве всех её компонентов.

Принцип холизма находится в тесной связи с принципом когерентности, долгое время считавшимся скорее естественнонаучным регулятивом, чем категорией гуманитарного знания. В физике принцип когерентности означает взаимную согласованность и взаимозависимость элементов системы друг от друга, организованных таким образом, что функционирование каждого отдельного элемента находится в строгом соответствии с функционированием другого элемента.

Однако, главным действующим принципом, регулирующим процесс коммуникативного взаимодействия, выступает, обоснованный американским мыслителем, принцип доверия.

«Поскольку, - отмечает Дэвидсон, - знание убеждений приходит только вместе со способностью интерпретировать слова, то в самом начале интерпретации единственной возможностью для понимания является принятие общего соглашения по поводу того, в чем говорящий и интерпретатор убеждены» [2, с. 274].

Сущность принципа доверия состоит в том, чтобы считать высказывания других субъектов коммуникации изначально истинными, признавая, тем самым, что все участники того или иного коммуникативного взаимодействия устремлены к пониманию и считают собеседников правыми по существу. «Доверие воздействует на нас, хотим мы этого или нет, и если мы стремимся понимать других, мы должны считать их правыми по существу» [2, с. 368].

Таким образом, заявленная в начале статьи задача обозначить некоторые инвариантные особенности рассмотрения коммуникации в аналитической философии второй половины XX века на примере методологических проектов «позднего» Л.Виттгенштейна, У.В.О.Куайна и Д.Дэвидсона, реализуется в следующих заключениях. Сама постановка проблемы коммуникации, если не в качестве отдельного предмета исследования, то, по крайней мере, как неотъемлемая часть языковой проблематики, возникает в аналитической философии во второй половине XX века с теории «языковых игр» Л.Виттгенштейна.

В этой связи коммуникация интерпретируется в своем деятельностном аспекте, как процесс языкового взаимодействия, обусловленный не только и не столько сознанием взаимодействующих субъектов, сколько коммуникативным контекстом самим по себе. В качестве методологического проекта к проблеме коммуникации используется интегрированный семантико-прагматический метод. Одной из центральных семантических проблем является проблема значения, которое, в свою очередь призвано преодолеть классическую референциальную модель в пользу контекстуального прагматического определения значения, от «Know-How» – к «Know-What» (в значении, ни «что», а «для чего», с какой целью).

Безусловно, обозначенные философские стратегии не являются единственными, в рамках которых происходит актуализация коммуникативной проблематики. Особой место в аналитической традиции занимает философия сознания, специфика подхода представителей которой станет темой дальнейшего исследования.

Литература:

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Виттгенштейн // Философские работы. – М.: «Гнозис», 1994.

2. Дэвидсон, Д. Исследования истины и интерпретации / Д. Дэвидсон. – М.: «Праксис», 2003.

ВЕРНОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Ю.И. Шпилькин, г. Шымкент, Казахстан

Проблема исследования ментальных образований, относящихся к области этики и аксиологии в целом, приобретает большую актуальность в рамках современных когнитивных исследований. Из последних событий особый интерес вызывает скандал, связанный с бывшим сотрудником ЦРУ Э. Сноуденом. Бежав из США, он разоблачил секретные шпионские программы, осуществляемые этим ведомством в самой Америке и по всему миру. Это вызвало колоссальный скандал, продолжающий набирать обороты. Из США Сноуден направился в Гонконг, откуда затем вылетел в Москву, чтобы направиться из российской столицы в другое государство, которое предоставило бы ему убежище. Он предал гласности секретную информацию о кибератаках США на китайские серверы, затем о прослушке американцами своих ближайших союзников, на очереди, сведения об электронной войне США против России и других стран. Российское руководство повело себя весьма неопределенно, не случайно Кремль назвал дело программиста «не нашим вопросом». В Кремле, вероятно, помнили, что несколько лет назад, когда в США бежал сын Героя Советского Союза, полковник Службы внешней разведки Потеев, всего сбежали около тридцати сотрудников российских спецслужб и на все просьбы Москвы вернуть их в Россию, как нарушителей закона, Вашингтон всякий раз отвечал презрительным молчанием. Договора-то об обмене преступниками между Россией и США до сих пор не заключен. «Россия никогда никого никуда не выдает, - заявил на пресс-конференции Президент В. Путин. - В лучшем случае мы обменивали. Сноуден - не наш агент, ответственно заявляю. Он с нами никогда не сотрудничал, и наши спецслужбы с ним не работают». Путин подчеркнул, что Сноуден «человек свободный, считает себя правозащитником». «Если захочет уехать и его примут, пожалуйста. Захочет остаться, ладно, но при условии, что перестанет наносить ущерб нашим американским партнерам. Судя по всему, делать этого он не намерен».

Итак, кто же они? Генерал Калугин, полковник Потеев, Джулиан Ассанж, Эдвард Сноуден? Предатели, изменники или правозащитники, стоящие на страже глобализирующего мира? Где эта грань падения или возвышения? В свое время, когда Сократ, приговоренный к смерти за